

К.И. ДЕКАТОВА
(Волгоград)

ФОРМИРОВАНИЕ ЗНАКОВ КОСВЕННО-ПРОИЗВОДНОЙ НОМИНАЦИИ НА БАЗЕ ОЦЕНОЧНОГО ОКСЮМОРОНА

Описываются семантические особенности оценочного оксюморона, выявляются и анализируются основные признаки значения знаков косвенно-производной номинации, восходящих к оценочному оксюморону.

Ключевые слова: *знаки косвенно-производной номинации, фразеологические сочетания, оценочный оксюморон.*

Влияние структурно-семантических особенностей деривационной основы знаков косвенно-производной номинации (далее – ЗКН) на формирование их семантики – проблема, давно оказавшаяся в фокусе внимания лингвистов (Н.Ф. Алефиренко, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, В.Г. Гак, М.М. Копыленко, З.Д. Попова и др.). Актуальность данной проблемы вряд ли будет утрачена, поскольку процесс пополнения фразеологического фонда языка, как и развитие, обогащение языка в целом, является процессом постоянным и непрерывным. Исследование механизмов смыслообразования фразем, восходящих к разным тропам, стилистическим фигурам, когнитивно-дискурсивная обусловленность их семантического своеобразия являются важным шагом к пониманию эволюционного преобразования фраземики.

Одним из интересных источников ЗКН являются единицы с логически несовместимыми компонентами – антитезы, гиперболы, литоты, оксюмороны. Последние стилистические фигуры в отечественной лингвистике анализировались в разных аспектах: рассматривались семантические модификации, изменения когнитивной основы оксюморона в процессе фразеологизации, изучались коммуникативно-прагматические свойства фразеологизированных оксюморонов [1; 3; 7]. Несмотря на внимательное отношение к данным языковым единицам со стороны лингвистов, нельзя сказать, что в отечественном языкознании были тщательно исследованы все их разновидности. Один из малоизученных разрядов оксюморонов, которые нередко становятся деривационной основой ЗКН, – оценочные оксюмороны. Эти стилистические фигуры являются видом парадоксальных единиц, которые обладают базовыми структурно-семантическими признаками оксюморона: представляют собой сочетания слов, значения которых содержат противоречивые, взаимоисключающие смысловые элементы [3; 9; 10]. Своеобразие оценочного оксюморона заключается в том, что он «позволяет номинировать объект, вскрывая не объективную его противоречивость и сложность, а противоречивость отношения к нему говорящего» [6, с. 78], потому что включает в свой состав слова с взаимоисключающими оценочными смысловыми элементами [6]. Например, в произведении И.С. Тургенева «Новь» сочетание слов *прелестные и эгоисты* образуют фигуру противоположности: *Валентина Михайловна была проникнута той особенной грацией, которая свойственна «милым» эгоистам; в этой грации нет ни поэзии, ни истинной чувствительности, но есть мягкость, есть симпатия, есть даже нежность. Только перечить этим прелестным эгоистам не следует: они властолюбивы и не выносят чужой самостоятельности. Женщины, подобные Сипягиной, возбуждают и волнуют людей неопытных и страстных; сами они любят правильность и тишину жизни. Добродетель им легко дается – они невозмутимы; но постоянное желание повелевать, привлекать и нравиться придает им подвижность и блеск: воля у них крепкая – и самое их обаяние частью зависит от этой крепкой воли...* (И.С. Тургенев. Новь).

Парадоксальность словосочетания *прелестные эгоисты* проявляется не в том, что людям приписываются объективно присущие противоречивые признаки, а в противоречивой оценке объекта номинации: слово *прелестный* позволяет выразить положительную, а слово *эгоист* – отрицательную эмоционально-этическую характеристику человека.

В результате фразеологизации значение ЗКН, восходящих к оценочным оксюморонам, приобретает основные признаки косвенно-производного значения. Эти признаки были описаны В.Н. Телия, которая утверждала, что направленность косвенно-производного значения на внеязыковую реальность является одновременно «опосредованной в двух измерениях – в деривационном и в комбинаторном» [13, с. 151]. Деривационная опосредованность

проявляется в производности значения фразеологизированного оценочного оксюморона. Например, в составе ЗКН *страшный(ая) красавец / красавица / умница, ужасный(ая) красавец / красавица / умница* слова *страшный, ужасный* выступают не в прямом значении: *страшный* – ‘вызывающий, внушающий чувство страха’; *ужасный* – ‘вызывающий ужас, очень страшный’; а в переносном значении – ‘очень сильный или очень большой (о степени проявления, интенсивности чего-л.)’ [11, т. 4]. В результате переосмысления прямого значения такого рода фразеологизированных оценочных оксюморонов противоречие оценочных смысловых элементов полностью нивелируется за счет устранения оценочных сем из ядра косвенно-производного значения. В дискурсивном пространстве данные фразеологические сочетания выражают ту оценку, которая свойственна сопроводительным словам. Так, в нижеследующих фрагментах слова косвенно-производное значение слов *страшный* и *совершенный* утрачивает отрицательный в первом слове и положительный во втором слове оценочный смысловой элемент. Фразеологические сочетания выражают ту оценку, смысловые элементы которой содержатся в значении слов *умница* (положительная оценка) и *негодяй* (отрицательная оценка): 8.П. – *День замороченный. Анна Андреевна уже собирается ехать. Это вчера дало трещинку в спокойствии. Сегодня хуже – все переволнованы. Чудно, что в воззрениях на О. (Осип Мандельштам) мы очень с ней согласны. Она страшная умница, сегодня мы с ней обед готовили: варили щи, вышло очень вкусно. Минус то, что много времени и сил уходит на О., политики и планы. А с другой стороны, его жаль, он тоже скис, предчувствуя ее отъезд. Из достижений – корректное поведение Надьки. Сейчас это вспомнил к тому, что злость на нее стоит за записками об О. – сейчас уже смягчилось* (Э. Герштейн. Мемуары).

Усатый поляк исчез, оставив виолончель у рояля. Спивак играл фугу Баха; взглянув на вошедших темными кружками стекол, он покашлял и сказал:

— *Это не музыкант, а водопроводчик.*

— *Виолончелист?*

— *Совершенный негодяй, — убежденно сказал музыкант.*

Он снова начал играть, но так своеобразно, что Клим взглянул на него с недоумением. Играл он в замедленном темпе, подчеркивая то одну, то другую ноту аккорда и, подняв левую руку с вытянутым указательным

пальцем, прислушивался, как она постепенно тает. Казалось, что он ломал и разрывал музыку, отыскивая что-то глубоко скрытое в мелодии, знакомой Климу (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Несколько иначе выражают оценку ЗКН, которые содержат слова, сохранившие в семеме оценочные смысловые элементы. Например, в состав фразеологизированных оксюморонов *талантливый мошенник / вор / жулик, первоклассный мошенник / вор / жулик* входят слова *талантливый, первоклассный* с переносным значением ‘способный что-либо делать хорошо’. Смысловой элемент ‘делающий хорошо’ – показатель положительной оценки – сохраняет статус дифференциальной семы косвенно-производного значения. Наличие этой семы в семеме ЗКН, казалось бы, не должно приводить к обострению противоречия на семантическом уровне, поскольку значения сопроводительных слов не обладают эксплицированными отрицательными оценочными семами: *мошенник* – ‘тот, кто занимается мошенничеством’ [12, т. 6]; *вор* – ‘человек, совершающий кражи, занимающийся воровством’ [11, т. 2]; *жулик* – ‘вор, мошенник’ [12, т. 4]. Однако противоречие оценочных смыслов существует, поскольку отрицательная оценка таких действий, как воровство, мошенничество, жульничество, поддерживается аксиологическим стереотипом носителей языка, что приводит к экспликации смысловых элементов отрицательной оценки в рамках значения слов *вор, мошенник, жулик*.

Второй важнейший признак косвенно-производного значения, выделенный В.Н. Теля, – его комбинаторная опосредованность, которая проявляется в синсемантической значении ЗКН. Значение фразеологизированных оценочных оксюморонов обладает этим признаком: они косвенно указывают на объект реальной действительности, т.е. только в совместной реализации с другим словом, в определенной семантической комбинации. Например, косвенно-производное значение словоформы *приличный* – ‘обладающий в большой степени, как правило, отрицательными качествами’ – способно существовать только в том случае, если оно находится в семантической связке с такими словами, как *злодей, хам, негодяй* и т.п. Синсемантической значимостью значения фразеологизированных оценочных оксюморонов, как и любого косвенно-производного значения, объясняется неспособность ЗКН самостоятельно выполнять знаковую функцию [14, с. 62]. Так, словоформа *порядочный* – ‘облада-

ющий качествами (обычно отрицательными) в значительной степени' [12, т.10] – не способна самостоятельно номинировать фрагмент реальной действительности, поскольку для его актуализации необходима семантическая поддержка слов, обозначающих носителей отрицательных качеств (*лентяй, подлец, злодей, негодяй, наглец* и т.п.). Интересно отметить, что смысловой элемент отрицательной оценки тоже актуализируется только в том случае, если ЗКН находится в синтагматической связи со словами, выражающими отрицательную оценку. Изменение этого контекста приводит к разрыву связи между формой *порядочный*, значением косвенно-производного знака – 'обладающий качествами (обычно отрицательными) в значительной степени' – и косвенно номинируемым образом фрагмента действительности, ср.: *порядочный негодяй, порядочный злодей* и *порядочный добряк, порядочный гений*. В последних словосочетаниях, как представляется, у слова *порядочный* активизируется значение со смысловыми элементами, выражающими положительную оценку – 'достаточно высокий в моральном отношении; не способный на низкие поступки' [Там же].

Таким образом, фразеологизированные оценочные оксюмороны, являющиеся одним из интересных источников обогащения русской фраземики, в процессе фразеологизации приобретают основные признаки знаков косвенно-производной номинации. При этом особенности деривационной базы обуславливают своеобразие семантических преобразований слов-компонентов фразеологизирующихся словосочетаний. Дальнейшее изучение структурно-семантических процессов перехода оценочных оксюморонов в разряд знаков косвенно-производной номинации позволит приблизиться к пониманию механизмов образования их значений, а также осмыслить особенности их функционирования в дискурсе.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград : Перемена, 1993.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002.
3. Ганеев Б.Т. Противоречия в языке и речи. Уфа : Изд. цех БГПУ, 2004.
4. Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб. : ИНАПРЕСС, 1998.
5. Горький М. Жизнь Клима Самгина // Собрание сочинений : в 30 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1949–1956. Т. 19.
6. Декатова К.И., Водяха А.А. Структурно-семантические особенности оценочного оксюмо-

рона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №6 (24) : в 2 ч. Ч. II. С. 78–81.

7. Декатова К.И. Когнитивная динамика смысловой дистрибуции слова в процессе русского фразеологизирования (на материале фразеологизированных стилистических фигур) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

8. Клюкина Ю.В. Языковая оценка как неотъемлемая категория портретного описания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1(1) : в 2 ч. Ч. II. С. 34–35.

9. Павлович Н.В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1979. С. 238–247.

10. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985.

11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985 – 1988.

12. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950 – 1965.

13. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: виды наименований. М. : Наука, 1977. С. 129–221.

14. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986.

15. Тургенев И.С. Дым. Новь. Вешние воды. М. : Худож. лит., 1986.

* * *

1. Alefirenko N.F. Frazeologiya v sisteme sovremennogo russkogo yazyika. Volgograd : Peremena, 1993.

2. Volf E.M. Funktsionalnaya semantika otsenki. M. : Editorial URSS, 2002.

3. Ganeev B.T. Protivorechiya v yazyike i rechi. Ufa : Izd. tseh BGPU, 2004.

4. Gershteyn E.G. Memuaryi. SPb. : INAPRESS, 1998.

5. Gorkiy M. Zhizn Klima Samgina // Sbranie sochineniy v 30 tomah. M. : Gos. izd-vo hudozh. lit., 1949–1956. T. 19.

6. Dekatova K.I., Vodyaha A.A. Strukturno-semanticheskie osobennosti otsenchnogo oksymorona // Filologicheskie nauki. Voprosyi teorii i praktiki. 2013. № 6 (24) : v 2 ch.Ch. II. S. 78–81.

7. Dekatova K.I. Kognitivnaya dinamika smyslovoy distributsii slova v protsesse russkogo frazemoobrazovaniya (na materiale frazeologizirovannykh stilisticheskikh figur) : dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2001.

8. Klyukina Yu.V. Yazyikovaya otsenka kak neot'emlemaya kategoriya portretnogo opisaniya // Filologicheskie nauki. Voprosyi teorii i praktiki. 2008. № 1(1) : v 2 ch. Ch. II. С. 34–35.

9. Pavlovich N.V. Semantika oksymorona // Lingvistika i poetika. M. : Nauka, 1979. S. 238–247.

10. Rozental D.E., Telenkova M.A. Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov. M. : Prosveschenie, 1985.

11. Slovar russkogo yazyika : v 4 t. / pod red. A.P. Evgenevoy. M. : Rus. yaz., 1985 – 1988.

12. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyika : v 17 t. M.–L. : Izd-vo AN SSSR, 1950 – 1965.

13. Teliya V.N. Vtorichnaya nominatsiya i ee vidyi // Yazyikovaya nominatsiya: vidyi naimenovaniy. M. : Nauka, 1977. S. 129–221.

14. Teliya V.N. Konnotativnyiy aspekt semantiki nominativnyih edinits. M. : Nauka, 1986.

15. Turgenev I.S. Dyim. Nov. Veshnie vodyi. M. : Hudozh. lit., 1986.

Formation of the signs of indirect derivative nomination based on the evaluative oxymoron

There are described the semantic peculiarities of the evaluative oxymoron, revealed and analyzed the basic signs of the meanings of the indirect derivative nomination which refer to the evaluative oxymoron.

Key words: *signs of the indirect derivative nomination, phraseological units, evaluative oxymoron.*

(Статья поступила в редакцию 03.06.2014)

Ю.В. ТУЛУПОВА
(Волгоград)

‘ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК’ КАК ОДНО ИЗ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМЫ «СЕРДЦЕ»

Рассматривается значение лексемы «сердце» ‘внутренний человек’. На материале произведений русской литературы XVIII–XXI вв. определены гендерные, возрастные, топонимические, национальные характеристики, относящиеся к данному значению, а также рассмотрены общечеловеческие переживания и чувства, положительные и отрицательные качества личности как характерные для данного значения.

Ключевые слова: *семантика, лексема «сердце», значение ‘внутренний человек’.*

Изучение семантики лексем, репрезентирующих внутренний мир человека, и особенности их изменения уже давно интересуют лингвистов. Научные труды посвящены как

объему семантики отдельных лексем, так и характеристике разнообразных мифологических, религиозных и народных представлений, которые сохранились в языке (А. Вежбицкая, М.В. Пименова, Е.В. Урысон, Е.Б. Никифорова и др.). В данной статье рассматривается значение ‘внутренний человек’ как одна из составляющих лексемы *сердце*.

В произведениях русской литературы XVIII – XXI вв. *сердце* часто уподобляется человеку по ряду признаков. Например, по признакам пола. В русской литературе чаще встречаются описания женского сердца: *Бедный молодой человек!.. Он так хорошо умеет говорить с женским сердцем; так хорошо льстил моему самолюбию, не говоря ни слова, а только смотря на меня и на других женщин!* (Н. Карамзин. Рыцарь нашего времени) [3, с. 752]. Для женского сердца свойственны такие качества, как:

– чувствительность (*Я могла бы наслаждаться счастьем семейственным, удовольствиями доброй матери, богатством, благотворением, всеобщую любовь, почтением людей и – самую нежную горестию о великом отце твоём, но я все принесла в жертву свободе моего народа: самую чувствительность женского сердца – и хотела ужасов войны; самую нежность матери – и не могла плакать о смерти сынов моих!..* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода) [Там же, с.706]);

– любопытство (*О характере моем говорили ужасы: это самое возбуждало любопытство, которое действует весьма живо и сильно в женском сердце* (Н. Карамзин. Марфа-посадница, или Покорение Новгорода) [Там же, с.714]);

– непостижимость (*– Я вас несколько не виню, Алексей Дмитрич. Вы воспользовались... Вы были правы. Я говорю только о том, что не удивляюсь вашему охлаждению к общему делу: у вас, я опять-таки скажу, – не то на уме. И прибавлю, кстати, от себя: где тот человек, который может заранее предугадать, что именно нравятся девическим сердцам, или постигнуть, чего они желают!!* (И. Тургенев. Новь) [8, с. 456]).

Гендерные признаки сердца часто контактируются с признаками родства: *Родись, милый младенец! Сердце мое будет тебе отцом и матерью* (Н. Карамзин. Юлия) [3, с. 664]; *Боярин Матвей скоро приметил, что Наталья стала пасмурнее: родительское*